

КТО ОСТАВИЛ НАДПИСЬ «M17» НА БЛОКЕ МАЯЦКОЙ КРЕПОСТИ?

В. В. Тишин, В. С. Флеров

Тишин В. В., Флеров В. С. Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой фортеці? Влияние византийских технологий на фортификацию Хазарского каганата на сегодня восстановлено для фортеці Нижнего Дона: Саркел, Правобережная Цимлянская та Семикаракорская. Це підтверджують дані археології, а в Саркелі додатково повідомленням Костянтина Порфірородного про Петрону Каматира. Стаття є відповіддю на спробу Г. Е. Афанасьєва довести участь византийських будівельників і в спорудженні фортеці Маяцька на Середньому Дона, на північній межі каганату. Його аргумент: напис M17 на блоці фортеці виконана двома грецькими літерами. Співатори статті детально аналізують напис та показують, що ніякого підґрунтя для такого висновку немає. Два знака напису M17 входять в загальний фонд знаків написів Маяцького городища, а також знаходять аналогії серед знаків інших руничних написів степу Східної Європи, що допоки не мають впевненого прочитання та не ідентифіковані з точки зору мовної належності. Метод, оснований на вибіркового тлумаченні окремих знаків із залученням випадкових графічних аналогій, не може вважатися задовільним.

Ключові слова: Хазарський каганат; византийські будівельники; Маяцька фортеця; псевдогрецька; руничні написи Східної Європи.

Тишин В. В., Флеров В. С. Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой крепости? Влияние византийских технологий на фортификацию Хазарского каганата на сегодня установлено в крепостях Нижнего Дона: Саркел, Правобережная Цимлянская и Семикаракорская. Это подтверждают данные археологии, а в Саркеле дополнительно сообщением Константина Багрянородного о Петроне Каматири. Статья является ответом на попытку Г. Е. Афанасьева доказать участие византийских строителей и в сооружении крепости Маяцкая на Среднем Дона, на северной границе каганата. Его аргумент: надпись M17 на блоке крепости выполнена двумя греческими буквами. Соавторы статьи детально анализируют надпись и показывают, что никаких оснований для такого заключения нет. Два знака надписи M17 входят в общий фонд знаков надписей Маяцкого городища, а также находят аналогии среди знаков других рунических надписей степей Восточной Европы, не имеющих пока убедительного прочтения и не идентифицированных с точки зрения языковой принадлежности. Метод, основанный на выборочном истолковании отдельных знаков с привлечением случайных графических аналогий, не может считаться удовлетворительным.

Ключевые слова: Хазарский каганат; византийские строители; Маяцкая крепость; псевдогреческая; рунические надписи Восточной Европы.

Tishin V. V., Flyorov V. S. Who Left M17 Inscription on the Stone of Mayatskaya Fortress? The influence of Byzantine technology on the fortifications of Khazar Khaganate today is found in case of some fortresses in the Lower Don, such as Sarkel, Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya and Semikarakorskaya. That fact is confirmed by archaeological data, and, in addition, regarding to Sarkel, by the report of Constantine Porphyrogenitus about Petrona Kamatir. The article is a response to the attempt of G. E. Afanasyev to prove the fact of participation of Byzantine builders in the construction of the Mayatskaya fortress in the Middle Don valley, in the northern border of the khaganate. His argument asserted that M17 inscription on the one stone of the fortress wall consists of two Greek letters. Co-authors of the article analyze the inscription in detail and show that there are no reasons for such conclusion. Two signs of M17 inscription are included in the general fund of signs of Mayatskaya fortress inscriptions and, furthermore, they are similar to certain signs found on other inscriptions of Eastern Europe steppe, which have not been properly read and indentified with any language yet. The method, based on the interpretation of sampling signs, involving random visual analogies, can not be considered as satisfactory.

Keywords: Khazarian Khaganate; Byzantine builders; Mayatskaya fortress; Pseudo-Greek; runic inscriptions of Eastern Europe.

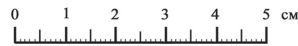
В хазарской археологии проблема византийского влияния на хазарскую фортификацию и даже непосредственного участия византийцев в строительстве кирпичных и белокаменных крепостей каганата стала актуальной только с раскопками Саркела, результаты которых подтверждали сообщение Константина Багрянородного о миссии Петроны Каматиры. История эта хорошо известна и нет нужды повторять ее в очередной раз, как и то, что П. А. Раппопорт в свое время не усмотрел в сооружениях Саркела византийских технологий¹. М. И. Артамонов

подошел к оценке технологии кирпичного строительства более осторожно, хотя и он не увидел в них «ничего специфически византийского», а роль Петроны посчитал преувеличенной, с чем, вероятно, придется согласиться. В полном отрицании «византийского» Михаил Илларионович все-же ошибался². Византийское было не только в самом Саркеле, но и в других ниже-донских хазарских крепостях – Правобережной Цимлянкой и Семикаракорской. В них, в отличие от Саркела, найдена черепица и ряд других строительных и декоративных элементов, имеющих византийские прототипы³. О некоторых из них М. И. Артамонов еще не мог знать, другие: семикаракорскую черепицу, краску и штукатурку в Саркеле⁴, – не учел. Но не будем забывать, что он же указал и на активное участие местного населения в строительстве⁵. О том, что именно местные, а не чужеземные мастера, изготавливали кирпичи, неопровержимо свидетельствуют нанесенные на них до обжига знаки. Такого же рода метки открыты на обожженных и сырцовых кирпичях в Семикаракорской крепости⁶. Уяснение роли византийцев в создании ниже-донских крепостей продолжается. Так, наметилась возможность создания их относительной хронологии. В соответствии с ней Семикаракорская крепость, как и Правобережная Цимлянская, оказываются более ранними, нежели Саркел. Отсюда возникает вопрос о появлении на Нижнем Дону еще до Петроны Каматиры какой-то более ранней группы византийских фортификаторов, которая и познакомила хазар не только с изготовлением кирпича, но и черепицы⁷. Так коротко на сегодня выглядит проблема вклада византийцев в технологии кирпичного и белокаменного строительства на Нижнем Дону.

Гораздо сложнее установить, проникали ли византийские строители на Средний Дон, на притоке которого – р. Тихая Сосна, располагается другая группа крепостей Хазарского каганата, кирпичных и белокаменных. Нарративные источники вообще молчат об этом. Не менее показательны и то, что в этих крепостях, включая Маяцкую, не обнаружены византийского происхождения архитектурные детали, подобные найденным в Саркеле капителям и колоннам⁸.

Наиболее раскопанной из крепостей Тихой Сосны остается упомянутая Маяцкая, исследованная в 1975, 1977–1982 гг. советско-болгаро-венгерской экспедицией под руководством С. А. Плетневой. В отличие от Правобережной Цимлянкой, снабженной башнями, с упоминавшимися выше черепицей (калиптеры, керамида) и технологиями византийского происхождения, Маяцкая выглядит довольно примитивной. Попытка члена экспедиции Г. Е. Афанасьева найти в крепости следы непосредственного участия византийцев в строительстве⁹ уже комментировалась и признана несостоятельной¹⁰. Подчеркнем, что речь шла не только о разметке очертаний будущей крепости на местности, но и о возведении ее стен. «Появление» византийских строителей на Тихой Сосне Г. Е. Афанасьев попытался дополнительно обосновать «прочтением» по-гречески известной надписи М17 на одном из незавершенных блоков Маяцкой крепости. Оставить без внимания прочтение Г. Е. Афанасьева невозможно по ряду причин. Первая – надписи Маяцкой крепости до последнего времени остаются без расшифровки. Вторая – из грекоязычных на территории Хазарского каганата известны только одно-двухбуквенные пометки на амфорах. Третья – крепость расположена на северном пограничье Хазарского каганата, где появление византийцев вроде бы ничем надежно не документируется. Наконец, любая попытка прочтения маяцких надписей не может не вызвать громадного интереса.

Интерпретация надписи М17 (рис. 1) в составе двух знаков отрекомендована Афанасьевым следующим образом: «Бросается в глаза, что две буквы, из которых состоит эта надпись, тождественны написанию греческих букв ипсилон и сигма – ΥΣ. По своей палеографии они напоминают начертания двух последних букв в знаменитой византийской криптограмме из Эфеса – ΙΧΘΥΣ, которая расшифровывается как Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ – «Иисус Христос Божий Сын Спаситель». Если отталкиваться от предположения, что это действительно буквы греческого алфавита, то можно рассматривать несколько вариантов перевода слова (криптограммы) ΥΣ с греческого: Υ[ίός], Σ[ωτήρ] – «Сын Спаситель»; ὕς – «кабан». Если же допустить, что донское аланское население VIII–X вв. использовало греческий алфавит для передачи алано-осетинского языка (как это имело место у алан Северного Кавказа), то возможный вариант перевода слова ΥΣ будет is[es] – «имущество, достаток, богатство». Насколько возможны такие трактовки – решать специалистам-филологам». Однако, не дожидаясь отзывов специалистов, автор стал использовать в своих построениях трактовку знаков в качестве греческих букв как абсолютно верную: «Греческие буквы надписи М17 вновь заставляют поднять вопрос об интерпретации “знаков строителей” на меловых блоках Маяцкой крепости»¹¹. Стоит отме-

Рис. 1. Надпись М17 из Маяцкой крепости: *a* – прорисовка В. Е. Нахапетян (Флеровой) (Кызласов 1990*a*. С. 8, рис. 2: 4; 1990*б*. С. 30, рис. 4; 1994. С. 261, рис. Д20); *б* – фотография (Кызласов, 1994. Фото Д20, вкладка).

тить, что Г. Е. Афанасьев не указал, какие надписи VIII–X вв. с использованием греческого алфавита у алан Северного Кавказа он подразумевает.

Первая публикация изображения двух знаков на блоке из Маяцкого городища в качестве рунической надписи под условным индексом М17 сделана в 1990 г. И. Л. Кызласовым, издавшим тогда единственную прорисовку изображения, выполненную на полиэтиленовой пленке В. Е. Нахапетян (Флеровой)¹². В 1994 г. И. Л. Кызласовым опубликован фотоснимок¹³. Надпись была найдена при раскопках 1982 г. в завале внутренней части северо-западной стены крепости. Согласно И. Л. Кызласову, «на бугристой поверхности рваного камня два рунических знака... ясно вырезаны бороздами глубиной 1,5–2 мм», «расположены горизонтальной строкой, длиной 4 см». Высота знаков – 3,3 и 4,7 см (при последовательности справа налево)¹⁴. В другой работе археолога отмечается также, что данный блок с изображением знаков был оставлен на городище, т.е. не взят в коллекцию¹⁵, ввиду чего сегодня надпись остается доступной для изучения только в прорисовке и на фотографии (рис. 1).

По мнению Г. Е. Афанасьева, надпись представляет собой «звено, которое не вписывается в общую коллекцию» эпиграфических материалов Маяцкого городища. Здесь выделяются два обстоятельства: во-первых, это техника нанесения рассматриваемых начертаний, сделанных глубокой резьбой, что, по мнению Г. Е. Афанасьева, «резко отличает» эту надпись от других маяцких надписей, сближая ее с так называемыми «метками строителей» или «строительными знаками»; во-вторых, сходство форм знаков с греческими буквами¹⁶.

Безусловно, сама простота форм каждого из двух знаков, представленных в надписи М17, оставляет возможность для поиска внешних сходств и формального подбора аналогий для них на примере самого разнородного материала. Одновременно и само сочетание всего лишь двух знаков позволяет выдвинуть разнообразные предположения об их функциональном предназначении¹⁷. Все это *в зависимости от целеполагания, эрудиции и фантазии исследователя*. Однако уже то обстоятельство, что данный блок со знаками не является единственной находкой подобного рода в рамках одного археологического объекта, позволяет достаточно уверенно рассматривать это сочетание знаков именно как надпись, выполненную руническими знаками, поскольку знаки подобных форм встречаются в других надписях Маяцкого городища.

Следует отметить, что достаточно относительным и, соответственно, ненадежным основанием для каких-либо категоричных заключений являются и любые рассуждения о технике нанесения знаков – без учета для каждого отдельного случая таких факторов, как

характер материала, форма и фактура поверхности, инструмент нанесения знаков, а также ряда возможных обстоятельств субъективного характера, связанных с личностью резчика и условиями его работы¹⁸.

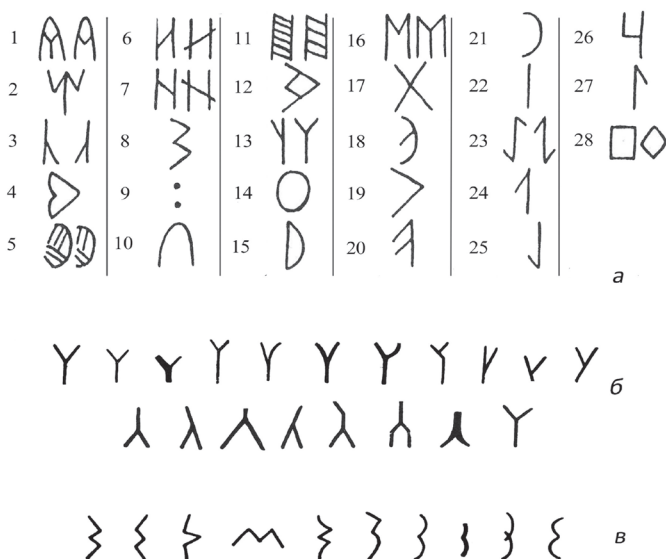
Знак, расположенный на существующей прорисовке надписи М17 справа, именно в таком положении, как это представлено в публикациях И. Л. Кызласова (развилкой вниз), и именно в таком варианте написания (Λ) встречается в Маяцких надписях лишь единожды. Однако знак подобных же очертаний, но расположенный «кверху ногами» (U), известен по надписи М10¹⁹ (рис. 2). По мнению И. Л. Кызласова, в этих случаях речь идет о двух различных графемах выделенного им «донского алфавита»²⁰. Так или иначе, оба варианта имеют аналогии в системах других рунических алфавитов степей Восточной Европы и Азии (рис. 3а–б). В надписи М10 присутствует также и знак S (рис. 2), аналогичный второму знаку надписи М17, расположенному на прорисовке, согласно публикациям И. Л. Кызласова, слева²¹. Он встречается, кроме того, еще в двух надписях Маяцкого городища, известных лишь по безмасштабной зарисовке С. Н. Замятина конца 20-х гг. XX в., – М7 и М8²² (рис. 2). И. Л. Кызласов фиксирует также наличие знака подобной формы, начертанного в зеркальном направлении, в надписи М4, обнаруженной в 1909 г. Н. Е. Макаренко, где он встречается дважды²³ (рис. 2). По мнению И. Л. Кызласова, это вариант написания той же графемы²⁴. Аналогии для обеих форм зафиксированы в составе известных систем рунического письма азиатского ареала (рис. 3в).

Имеющиеся материалы не дают возможности установить пространственную ориентацию знаков надписи М17, как, собственно, и в ряде других случаев, ни даже предположить порядок и направление начертания их составных элементов. Хотя формы начертания знаков надписей Маяцкого городища, в том числе интересующей нас надписи М17, находят аналогии в графических системах древнетюркского рунического письма, нет никакой уверенности в том, что речь в данном случае должна идти не об обычном внешнем сходстве ввиду простоты форм знаков. Рунические письмена Восточной Европы остаются не расшифрованными и на сегодня едва ли есть возможность выдвинуть какое-либо обоснованное предположение о языке, на котором они были написаны.

В свое время И. Л. Кызласовым было отмечено, что попытки прочтения надписи М17 не предпринимались²⁵. Так что, по-видимому, в работах Г. Е. Афанасьева мы, так или иначе, сталкиваемся с первой. Однако, с такой же легкостью, как это сделано Г. Е. Афанасьевым, по-гречески, надпись могла быть «прочитана», разумеется, и по-древнетюркски. Если попытаться сделать это по нормам, установленным для орхоно-енисейского письма, интерпретируя знаки в том расположении, какое предложено в работах Л. Р. Кызласова, но,

Рис. 2. Надписи из Маяцкой крепости: **М10** – по: Кызласов, 1990а. С. 20, рис. 6; 1990б. С. 33, рис. 7; 1994. С. 256, рис. Д13; **М4** – прорисовка И. Л. Кызласова по фотографии Н. Е. Макаренко (Кызласов, 1990а. С. 10, рис. 3: 3; 1990б. С. 28, рис. 2; 1994. С. 243, рис. Д4); **М7** – по безмасштабной прорисовке С. Н. Замятина (Кызласов, 1990а. С. 8, рис. 2; 1990б. С. 30, рис. 4; 1994. С. 254, рис. Д11); **М8** – по безмасштабной прорисовке С. Н. Замятина (Кызласов, 1990а. С. 8, рис. 2; 1990б. С. 30, рис. 4; 1994. С. 254, рис. Д11).

Рис. 3. Примеры соответствий форм знаков надписи М17 из других систем рунических алфавитов Евразии: *а* – таблица общих знаков евразийских рунических алфавитов по И. Л. Кызласову (1990а. С. 151, табл. XXVI, стк. 3, 8, 13; 1994. С. 67, табл. XXII, стк. 3, 8, 13); *б* – аналогии «правому» знаку надписи М17 по Д. Д. Васильеву (1983. С. 120, табл. 15, стк. 8; С. 121, табл. 16, с. 140, табл. 29); *в* – аналогии «левому» знаку М17 по Д. Д. Васильеву (1983. С. 146, табл. 34, стк. 1–6).

по-видимому, справедливо выбирая направление чтения справа налево²⁶, первый знак выступал бы в фонемном значении /č/, сочетаясь с гласными как велярного, так и палатального ряда²⁷, второй обозначает лигатуру *nč*, также универсальную с точки зрения сингармонизма²⁸. Единственный вариант транскрипции, который здесь можно гипотетически предположить – это чтение *(a)č(i)nč*, т.е. *ačī-* ‘переживать, горевать’, ‘болеть, испытывать боль’ (< ‘быть горьким’)²⁹ + отглагольный аффикс *-(X)nč*, получая в итоге искусственную именную форму с абстрактным значением – *‘горе’, *‘переживание’. Однако ничего подобного в лексике какого-либо из известных тюркоязычных памятников не зафиксировано.

Если же попытаться «прочитать» знаки, исходя из той пространственной ориентации, в какой их «читает» Г. Е. Афанасьев, тогда первый (справа налево) знак, которым теперь выступает «сигма», опять же будет трактоваться в качестве лигатуры *nč*³⁰, второй же в этом случае передавал бы // палатального ряда (*l'*)³¹. Полученная транслитерация знаков *nč l'* может быть прочитана как *(e)nč(i)l* или *(e)nč (e)l*. Первое прочтение предполагает именную форму < др.-тюрк. *enč ~ inč* ‘покой’³² + аффикс *+(X)l*, – достаточно редкий и неоднозначный в интерпретации³³, – при буквальном переводе ‘спокойный (успокоившийся, обретший покой)’, либо прямо Энчиль (личное имя?). Согласно другому варианту, истолкование второго знака могло давать написание слова *el ~ il*, в зависимости от контекста переводимое обычно спектром значений ‘государственная организация’, ‘племя’, ‘народ’, выступающее также в значении ‘мир’³⁴. В совокупности с первым знаком это давало бы фразу с буквальным переводом ‘спокойное (пребывающее в покое) государство’, оставляя также соблазн порассуждать над конструкцией с семантической тавтологией в результате сочетания двух синонимов со значением ‘покой’.

Следует повториться, что все подобные рассуждения основываются только на формальном сопоставлении очертаний знаков Маяцкого городища с графикой памятников древнетюркской рунической письменности и грубом механическом экстраполировании выработанных правил их чтения на маяцкий материал, что если и возможно, то с рядом натяжек и допущений, но методологически едва ли корректно. Вероятно, пример подобной спекуляции, определенным образом поизощрившись, мог бы предложить и скандинавист, если бы поставил специальную задачу подтянуть какую-нибудь интерпретацию под факт совпадения форм рассматриваемых знаков со скандинавскими рунами. Разумеется, в зависимости от предпочтения к «греческой»,

«древнетюркской» или «скандинавской» версии при выборе соответствующего фонемного значения знаков надписи, далее путем простой подборки на основе совпадения звучаний не сложно выдвинуть любые другие гипотезы о принадлежности языка надписи, носители которого будто бы использовали какой-то из озвученных выше алфавитов.

Заканчивая обсуждение предложенной Г. Е. Афанасьевым интерпретации надписи М17, приходится вновь отметить тот факт, что рунические надписи Маяцкого комплекса, несомненно представляющие собой явления одного порядка, остаются нерасшифрованными. Начиная с С. Г. Кляшторного, попытки прочтения отдельных надписей имели место, но не привели пока к какому-либо удовлетворительному результату. Известно, что в настоящее время над прочтением восточноевропейских рунических надписей, в том числе и Маяцких, активно работает московский лингвист О. А. Мудрак, об изысканиях которого можно судить по его выступлениям в Институте языкознания РАН и Институте востоковедения РАН, но какие-либо суждения до публикации полных результатов его исследований преждевременны.

Вернемся к проблеме участия византийцев в строительстве Маяцкой крепости. Результат своего прочтения надписи М17 Г. Е. Афанасьев характеризует так: «Появлению греческих букв на стене Маяцкой крепости соответствует определенный историко-архитектурный фон. Практическое пребывание и участие византийских архитекторов и мастеров в строительстве крепости документирует недавно открытая византийская система линейных измерений и параметрические характеристики этой крепости». В том то и дело, что «недавнее открытие» не выдерживает критики и вводит читателей в заблуждение³⁵. Гипотетично допустив участие византийцев, включая каменщиков, в строительстве Маяцкой крепости от ее закладки до полного завершения, можно было бы надеяться на хоть какие-то более реальные их следы. Если не на месте крепости, то на поселении. Раскопки Маяцкого поселения ничего подобного не дали, хотя вскрытая площадь была велика³⁶.

¹ *Ратпорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград (далее – Тр. ВДАЭ). – Т. II. / Материалы и исследования по археологии СССР. Москва (далее – МИА). – № 75. – М.–Л., 1959. – С. 39.

² *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // Тр. ВДАЭ. – Т. I / МИА. – № 62. – М.–Л., 1958. – С. 25.

³ *Флеров В. С.* Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // *Ῥωμαϊός*: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. *Vuzantina Ukrainensis*. – Т. 2. – Харьков: Майдан, 2013. – С. 474–502; *Его же.* Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // *Калинина Т. М.* Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры / Т. М. Калинина, В. С. Флеров, В. П. Петрухин. – М.: Языки славянских культур, 2014. – С. 101–158.

⁴ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград (далее – ИГАИМК). – Вып. 131. – Л., 1935. – С. 10, 115.

⁵ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа. – С. 26.

⁶ *Флеров В. С.* Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости / В. С. Флеров, В. Е. Флорова // Поволжская археология. Казань (далее – ПА). – 2015. – № 4. – С. 92–115.

⁷ *Флеров В. С.* К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва (далее – КСИА). – 2014. – Вып. 236. – С. 235–239.

⁸ Едва ли не первые упоминания колонн из Саркела содержатся в: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. – Ростов-на-Дону, 2005. – Примечание 4; *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – С. 12, 13, рис. 2, 3.

⁹ *Афанасьев Г. Е.* О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // ПА. – 2012. – № 2. – С. 29–49.

¹⁰ *Флеров В. С.* Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях // ХА. – Т. 13. – М., 2015. – С. 299–336.

¹¹ *Афанасьев Г. Е.* К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVIII Крупновские чтения. Мат. междунар. научн. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. – Махачкала, 2012. – С. 261–262.

¹² *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии: опыт палеографического анализа. – М.: Наука, 1990. – С. 8, рис. 2: 4; *Его же.* Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: Наука, 1990. – С. 30, рис. 4; *Его же.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 261, рис. Д20.

¹³ *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. – Фото Д20 (вкладка); ср.: *Афа-*

насьев Г. Е. К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища. – С. 262, рис. 1.

¹⁴ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии: опыт палеографического анализа. – С. 27; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 19; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 261, 264.

¹⁵ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – С. 261. К счастью, некоторые другие знаки сплелись с блоков. Они должны храниться в археологическом музее Воронежского университета.

¹⁶ Афанасьев Г. Е. К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища. – С. 261; *Его же*. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногогорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 3. – Воронеж, 2012. – С. 112.

¹⁷ Нахапетян (Флерова) В. Е. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. / В. Е. Нахапетян (Флерова), А. В. Фомин // Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). Москва (далее – ДГ). – 1991 г. – М.: Наука, 1994. – С. 163, 165, 166, 172; Флерова В. Е. Граффити Хазарии. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 76, 77.

¹⁸ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – С. 19, 20, 45.

¹⁹ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 20, рис. 6; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 33, рис. 7; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 256, рис. Д13.

²⁰ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 15–16, табл. 1 стк. 28, 29, 32, 34, с. 48, рис. VII, стк. 15, 29; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 40, табл. 1, стк. 28, 29, 32, 3; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 17–18, табл. 1, стк. 28, 29, 32, 34.

²¹ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 20, рис. 6; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 33, рис. 7; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 256, рис. Д13.

²² Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 8, рис. 2; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 30, рис. 4; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 254, рис. Д10, Д11.

²³ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 10, рис. 3; 3; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 28, рис. 2; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 243, рис. Д4.

²⁴ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – С. 246.

²⁵ Там же. – С. 261.

²⁶ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 29; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 23.

²⁷ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – С. 140, табл. 29, стк. 1–4, 6, 9.

²⁸ Там же. – С. 146, табл. 34, стк. 1, 5–7.

²⁹ Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – С. 4; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972. – P. 20–21.

³⁰ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – С. 146, табл. 34, стк. 2, 3, 9.

³¹ Там же. – С. 121, табл. 17.

³² Древнетюркский словарь. – С. 173, 210; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – P. 171–172.

³³ См.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – С. 127; Erdal M. A Grammar of Old Turkic. – Leiden; Boston, 2004. – P. 99–100.

³⁴ Древнетюркский словарь. – С. 168–169, 207; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – P. 121–122.

³⁵ Подробнее о среднестатистических размерах блоков по Г. Е. Афанасьеву см. в: Флеров В. С. Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях. – С. 318, 319.

³⁶ Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. – 216 с.

Сокращения

ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). Москва.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Ленинград.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН, Москва.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва.

ПА – Поволжская археология, Казань.

Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции, Москва–Ленинград.